

СЕРЕДИНУ июня 1941 года генерал-майор Алексей Борисович Елисеев встретил на Сааремаа. По окончании учения на Ханке он был назначен начальником обороны побережья в районе Балтийского моря. Балтийские острова знакомы Елисееву. До Октябрьской революции плавал он здесь на крейсере «Россия», позже — на линкоре «Слава». В 1917 году он командовал береговой батареей на острове Муху. С тех пор прошло почти 25 лет. В начале 1918 года он стал членом партии большевиков, воевал в гражданскую, был комендантом Кронштадта, позже служил на Дальнем Востоке. Судьба ли, случай ли, что, возможно, придется вторично сражаться за эти острова? Елисеев долго изучает лежащую перед ним карту. На юге — Ирбенский пролив, шириной 35 километров, прикрывается 315-й береговой батареей 180-миллиметровых орудий, на севере — пролив Муху, 7 километров шириной, «ключ к Сааремаа», прикрывается одной единственной батареей, 43-й батареей береговой обороны на Кюбассааре. Очень мало сил для такого длинного побережья. Северное побережье защищено лучше, там, во всяком случае, четыре батареи.

Елисеев постучал пальцами по столу. Капитан Харламов пожал плечами:

— Сооружение огневых позиций для батарей производилось согласно приказу. Основной упор в тысяча девятьсот сороковом году делался на север, со стороны Финляндии. Генерал Кабанов, ваш предшественник, и я тоже раздумывали, какой участок побережья наиболее опасен. Мне посчастливилось достать русский перевод вышедшей в Германии в тысяча девятьсот три-

дцать первом году книги Чишвитца «Армия и флот при захвате Балтийских островов в октябре 1917 года». А вы, конечно, помните, тогда немцы нанесли главный удар на севере, на бухту Тагалахт. Поэтому мы поставили там две батареи.

— Правильно, Харламов, но одновременно они нанесли удар и по острову Муху, в результате чего отрезали нас от материка. А если удар будет теперь нанесен не с севера, а вот здесь, у Муху, что тогда?

Олаф Греллер

В прицеле — Берлин

Имя нашего земляка Героя Советского Союза Евгения Николаевича Преображенского яркими буквами вписано в историю Великой Отечественной войны. Это под его командованием советские бомбардировщики нанесли бомбардировочные удары по столице гитлеровской Германии — Берлину в самом начале Великой Отечественной войны.

О тех незабываемых днях и рассказывается в документальной повести Олафа Греллера, которая вышла в 1974 году в ГДР. Мы предлагаем ее нашим читателям в переводе И. Д. Тихонова.

Два пехотных полка и артиллерийский полк имеются у него на случай войны для защиты островов Сааремаа и Муху. Как распределить их наилучшим образом: рассредоточить по побережью или держать в кулаке, чтобы суметь нанести достаточный сильный контрудар? Но будет ли в его распоряжении или достаточно времени, чтобы перебросить их к нужному месту? Это зависит от того, кто будет господствовать на море и в воздухе, и от того, где будет высажен десант. Ели-

сеев размышляет. Возникают вопросы за вопросами, а ответить на них пока невозможно. Кроме того, кто сказал ему, что уже через несколько недель начнется война с нацистской Германией? Ведь с берлинским правительством заключен пакт о ненападении, хотя никто и не знает, как долго он будет соблюдаться фашистами. Елисеев решил поторопиться расширение оборонительных сооружений на восточном побережье Сааремаа. Особое вни-

Эмилия Харламова ждала своего мужа. Она беспокоилась о нем. Вдруг в тишине субботнего вечера раздался телефонный звонок.

— Говорит оперативный дежурный. Позовите к телефону капитана Харламова. Только быстрее!

— Он уехал.

В телефонной трубке слышны шумы и трески, как будто дежурный там перелопачивает странички.

— Послушайте, капитан Харламову нужно немедленно явиться в штаб.

Эмилия Харламова ждала. Наконец вдалеке она услышала тихий треск мотоцикла. Она вышла из дома.

— Ты не спишь?

— Тебе немедленно нужно явиться в штаб.

— Наверно, опять ученики — Харламов заметил беспокойство жены. — Не надо тревожиться. Завтра поеду на море. То, что пропущу сегодня ночью, наверстан завтра на пляже.

Он быстро кивнул ей и вывел мотоцикл снова на улицу.

В это же самое время на аэродроме 57-го торпедно-авиационного полка взвыли сирены. Под их то повышающееся, то понижающееся завывание механики и техники, пилоты и командиры, бортстрелки и радисты выскакивали из длинных низких барачков. Они подбегали к выстроившимся в ряд самолетам ДБ-3Ф (Ил-4) и запускали моторы, рокот которых вскоре заглушил сирены. После того как Ефремов убедился, что все «илы» готовы к старту, он доложил командиру полка о готовности.

— Явитесь на командный пункт.

[Продолжение следует]

**[Продолжение.
Начало в № 22].**

Ефремов тоже был убежден, что начинается неожиданно спланированное учение. Уже несколько дней полк инспектирует командующий военно-воздушными силами советского Военно-Морского Флота генерал-лейтенант Семен Федорович Жаворонков.

Ефремов хотел, как и обычно, сразу же узнать у Преображенского, в чем дело. Однако тот стоял посредине комнаты и молча сделал Ефремову знак рукой, чтобы он сел. Через несколько минут на командном пункте собрались все командиры эскадрилий и офицеры штаба.

Когда Харламов вошел в здание штаба береговой обороны Балтийского района (БОВБР), все офицеры были уже в сборе.

— Что случилось, Иван Гаврилович? — спросил он у спешившего по коридору интенданта Фролова.

— Только что объявлена готовность номер один.

Харламов доложил о прибытии начальнику штаба Охтинскому.

— Учение, Алексей Иванович? Я только что был как раз в сорок третьей батарее у старшего лейтенанта Букоткина.

— Не знаю,—честно признался Охтинский. Он изучающе посмотрел на Харламова. — Не думаю. По приказу штаба флота мы ввели высшую степень готовности. К тому же последние донесения. — Охтинский провел карандашом по расстеленной карте. —

привычке он оторвал лист календаря. Наступило 22 июня 1941 года. Когда он вновь поднял взгляд, то увидел, что Охтинский держит в руке телефонную трубку, странно изменившись в лице.

— Штаб? — спрашивал Елисеев.

Олаф Греллер

В ПРИЦЕЛЕ~ БЕРЛИН

Уже в течение нескольких дней немецкие самолеты нарушают наше воздушное пространство. На севере отмечается оживленное морское обращение между Германией и Финляндией. Боевые корабли, транспортные суда...

— Может, маневры?

Проходят минуты, часы. В кабинете Охтинского, между тем, собрались все офицеры штаба. Харламов посмотрел на часы. Давно начались новые сутки. За окнами серел рассвет. По

— Началась война с Германией.

— Кто это говорит?

— Начальник штаба флота. Фашисты нарушили наши границы. Лиепая и Рига подвергаются бомбардировке.

В кабинете стало тихо. Первым нарушил молчание Елисеев.

— Немедленно созвать всех командиров и политработников.— Тишина наступила и на командном пункте торпедно-авиационного полка. Преображенский сказал одно только слово:

— Война!

Затем он добавил:

— Объявите товарищам, что отныне постоянная боевая готовность. Проведите в эскадрильях митинги.

Ефремов чуть задержался в дверях, пропуская остальных офицеров.

— Ну как у тебя в Петергофом, Андрей? — спросил его Преображенский.

— Ничего. Поедем в другой раз.

* * *

Опыт Гейдриха как летчика-истребителя невелик, и фактическим опасением он никогда не подвергался, хотя один раз ему и пришлось сесть за советской линией фронта. Но он всячески старался поддержать свою репутацию «образцового борца с большевизмом», ореол «блокурой бестии, твердого, решительного и безжалостного представителя режима». Начальник имперской разведывательной службы был человеком преступного склада характера. Из-за его подозрительности по отношению ко всем и к каждому в отделе даже в нацистской верхушке ему дали прозвище — «главный творец подозрений».

В июне—июле 1941 года Гейдрих с большим при-

крытием появлялся в небе Белоруссии в качестве «летчика-истребителя», и офицеры-летчики старались «добыть» ему жертвы для сбития, чтобы высокий генерал СС был в хорошем расположении духа. А в это время в июне 1941 года бригады смерти, получившие его личные указания в Бад-Дюбене, организовывали неслыханную в мировой истории охоту на людей, их уничтожение.

Как-то под Житомиром командир одного из пехотных полков был разбужен продолжительной стрельбой. Он вышел разобратся, в чем дело, и увидел в стороне от железнодорожной насыпи глубокий ров, почти заполненный трупами. В этой массовой могиле майору бросился в глаза старик с белой бородой, у которого на левой руке висела трость. Он еще дышал. В приливе гуманности офицер приказал полицейскому из карательной команды добыть его выстрелом. «Блюститель порядка», смеясь, ответил:

— Я вогнал ему в живот уже семь пуль. Загнется и так.

[Продолжение следует].

Перевод И. ТИХОНОВА.

[Продолжение.

Начало в №№ 22—23].

В Риге офицер СС увидел двух мужчин, несущих балку. Этот представитель «Мертвой головы» вытащил пистолет и застрелил одного из них, заметив при этом:

— Такую работу может делать и один.

Деятельность фашистской авиации («люфтваффе») в СССР Гейдрих также рассматривал как «работу». С большим удовлетворением он вспоминал решение Гитлера от 8 июля 1941 года о том, чтобы уже в начале войны сравнять с землей Москву и Ленинград. Он одобрял решение о том, чтобы этим делом занялась авиация, как в Варшаве, Роттердаме и Коvent-ри. 19 июля командующему 7-м воздушным флотом генерал-фельдмаршалу Кессельрингу отдан приказ как можно быстрее начать бомбардировки Москвы.

Около 22.00 часов 21 июля 1941 года главнокомандующий противовоздушной обороной Москвы генерал-майор М. С. Громадин со своего командного пункта, где вместе с другими членами Комитета Государственной обороны находился и И. В. Сталин, объявил в Москве воздушную тревогу. Через Минск и Оршу в сторону советской столицы направилось 200 бомбардировщиков, отборные эскадры, стянутые для уничтожения Москвы. Во главе их шли 53-я эскадра «Легион Кондор», недавно перебросенная из Франции 4-я эскадра «Генерал Вейфер», 3-я, 28-я, 54-я и 55-я бомбардировочные эскадры и 100-я боевая группа.

Но при первом же налете воздушные пираты получили достойный отпор. Было сбито 22 самолета. Только нескольким самолетам удалось прорваться в воздушное пространство Москвы.

План полного уничтожения Москвы был сорван зенитной артиллерией и ночными истребителями. И все же сотни москвичей погибли от варварских бомбардировок. 22 августа Совинформбюро сообщило, что с 22 июля во время бомбардировок погибло 736, тяжело ранено 1444 и легко ранено 2069 москвичей.

По сравнению с сотнями тысяч убитых, расстрелянных и повешенных, устлавших путь фашистских карательных команд, эти потери кажутся Гейдриху низкими. Поэтому он пишет письмо Гиммлеру:

«Рейхсфюрер!

Разрешите указать на то, что четкие указания в отношении городов Петербурга и Москвы не смогут быть выполнены, если с самого начала не прибегнуть к жестокости. По моему мнению, в таких случаях нужно в массовых масштабах применять зажигательные и фугасные бомбы. Поэтому

я бы просил Вас обратить внимание фюрера на то, что если не дать вермахту абсолютного ясного и четкого приказа, то оба города вряд ли будут уничтожены».

Однако судьбу советских городов определяли не агрессы. Наряду с систематическим укреплением противовоздушной обороны Москвы и Ленинграда Ставка Верховного командования провела в жизнь ряд чрезвычайных мер.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Жаворонков, командующий советской военно-морской авиацией, еще раз быстро просмотрел записи, прежде чем доложить Главнокомандующему Военно-Морским Флотом Николаю Герасимовичу Кузнецову о боевых действиях авиации в районе Краснознаменного Балтийского флота. Лишь несколько дней назад он возвратился с фронта. Он подробно доложил об атаках на танковые колонны и корабли, об ударах по портам Данциг, Мемель и Гдыня.

— Какова их действительность?

Жаворонков развернул на столе авиаснимки. Кузнецов с интересом взял их в руки. Там, где детали трудно разобрать, он смотрит через увеличительное стекло. Дымящиеся танки, пылающие танкеры, горящие корабли...

— Каковы ваши ближайшие планы?

Жаворонков пояснил, что

советская морская авиация планирует нанести сильный удар по Пиллау, по опорным пунктам 3-й флотилии торпедных катеров, 15-й и 17-й флотилиям минных заградителей, по якорным стоянкам миноносцев «Пруссия», «Грилле», «Версаль» и «Скаггеррак», а также по расположению штаба командующего миноносцами.

Кузнецов одобрително кивнул.

— Важные цели. Какие у вас еще планы?

Он пытливо посмотрел на Жаворонкова, который явно медлил с ответом.

— Берлин!

— Да, Николай Герасимович, Берлин. Мне не дает покоя эта мысль. Из района Балтийского моря это вполне осуществимо. Прошу дать мне разрешение провести эту операцию как ответ на воздушный террор по отношению к Москве и Ленинграду.

Жаворонков раз и в а ет свою идею: что касается обученности и опыта ночных полетов и в трудных метеоусловиях, то шестьдесят бомбардировщиков уже имеются.

Самым подходящим для этой цели является дальний бомбардировщик ДБ-3Ф, имеющий дальность полета 1200 километров с полным грузом. Каждый самолет может обрушить на цель тонну бомб.

[Продолжение следует]

Перевод И. ТИХОНОВА.

[Продолжение.
Начало в №№ 22—24].

— Теперь, Николай Герасимович, где мы разместим эти самолеты? Наиболее подходящими мне кажутся два аэродрома.— Жаворонков подошел к большой карте, висящей на стене, и показал указкой на остров Сааремаа.— Здесь, пятнадцать километров западнее Кингисеппа, есть полевой аэродром у деревни Кагул. Далее, двадцать километров севернее, у Асте, есть второй. На обоих аэродромах взлетные полосы составляют тысячу сто—тысячу двести метров.

Кузнецов возразил, что острова, возможно, вскоре могут оказаться в тылу противника. Будет ли возможным там размещение самолетов, тем более при интенсивном воздействии фашистской авиации, которая после налетов на Берлин сделает все, чтобы не допустить больше этого.

— Боюсь, что у нас нет выбора. Если положение на фронте не изменится к лучшему, нам придется рискнуть.

С точки зрения Главнокомандующего Военно-Морским Флотом Кузнецову больше импонировали налеты на фашистские корабли в порту Пилау, но он понимал исключительно большое политическое значение советского воздушного налета на Берлин. Дело было даже не в том, чтобы ответить ударом на удар, хотя такой налет показал бы все-кому из нацистов, что

нельзя безнаказанно бомбить советские города.

Но советские бомбардировщики над Берлином — это сразу бы разоблачило перед всей мировой общественностью измышления фашистской пропаганды о том, что Красная Армия разбита, а советская авиация уничтожена на земле. Он попросил Жаворонкова еще раз подробнее изложить план.

— Будьте готовы вылететь на фронт. Я передам Ставке Верховного командования о вашем предложении.

Уже через два дня Кузнецов вызвал Жаворонкова.

— Товарищ Сталин одобрил ваше предложение. Незамедлительно выберите две эскадрильи из состава авиации Краснознаменного Балтийского флота, которые имеют хороший опыт в слепых полетах.

Помолчав, он добавил:

— Вообще, Верховный Главнокомандующий сказал: поскольку Жаворонков внес это предложение, пусть он лично и руководит операцией.

— Николай Герасимович, такое важное задание мне выполнять только двумя эскадрильями?

— Пока двумя. Вы знаете, как нужен на фронте каждый самолет. Но товарищ Сталин обещал мне, что при первой же возможности он выделит для этого еще две три эскадрильи. Кроме того, для налетов на Берлин предусмотрена еще одна группа... В остальном действуйте полностью по своему плану.

Олаф Греллер

* * *

В КОНЦЕ июля командующему БОБР генералу Елисееву поступила телеграмма от вице-адмирала Трибуца.

В ней от имени штаба Краснознаменного Балтийского флота ему предлагалось принять меры к оборудованию полевых аэродромов у Кагула и Асте к 1 августа 1941 года. Одновременно ему поручалась их охрана от наземных и воздушных нападений. Елисеев задумался над этим приказом. Что выбор пал на Сааремаа, размышлял он, это не случайно. Отсюда до Берлина всего 900 километров, из них 650 над Балтийским морем, где вообще нет противовоздушной обороны.

Елисеев вызвал начальника штаба Охтинского и начальника инженерных войск. Из Кингисеппа они вместе проехали до Кихелконны и оттуда в Кагул, который расположен в большом лесу. В нескольких сотнях метров от деревни протянулась обширная поляна — аэродром. Половину его автомобиль прошел легко, а затем начались такие кочки и выбоины, что водитель испугался как бы не полетели валы. Он осторожно попробовал вести машину дальше, все замедляя ход, и наконец остановился.

Елисеев, Охтинский и Навагин выбрались из машины.

— Да, все поле придется разравнивать.

[Продолжение следует].
Перевод И. ТИХОНОВА.

(Продолжение.
Начало в №№ 22—24, 26).

— Надо сделать. Объясните это солдатам. Как вы думаете, сколько дней нам понадобится для этого? — обратился он к Навагину.

— Думаю, полнедели...

— Полнедели? — повторил Елисеев и посмотрел так на Навагина, как будто увидел его в первый раз. — Значит, три дня. Согласен. Работайте день и ночь. Задействуйте все строительные отряды, какие у нас есть.

— А как же с оборонительными сооружениями на Муху?

— Аэродром для нас сейчас — задача номер один, — ответил Елисеев.

Под руководством Навагина работы по оборудованию аэродрома велись день и ночь. Охтинский выделил для охраны аэродрома две зенитных 76-миллиметровых батареи, взвод истребителей И-153 из 13-го истребительного полка и взвод красноармейцев. Вечером 31 июля Навагин доложил:

— Приказание выполнено. На аэродром Кагул могут базироваться тяжелые бомбардировщики.

Строжайшим образом сохраняя тайну, Жаворонков проинформировал о готовящемся мероприятии только Главнокомандующего Краснознаменным Балтийским флотом и командующего его

военно-морской авиацией генерал-майора Самохина. Он проинформировал Самохина также о том, какому подразделению он хотел поручить это ответственное задание: 1-му торпедно-авиационному полку, который с начала июля находился под командованием полковника Евгения Николаевича Преображенского. С состоянием дел в полку он хорошо знаком. Неделю назад он несколько дней провел в Беззаботном. Но прежде чем принять окончательное решение, он хотел еще раз поговорить с Преображенским и заместителем по политической части Григорием Захаровичем Органезовым.

Весть о предстоящем новом прибытии Жаворонкова вызвала в штабе полка различные догадки. Что за причина, что он за короткое время второй раз проверяет именно наш полк, размышлял и Преображенский. Но ни он, ни Органезов не могли найти ответ на это. Поэтому немного стесненно представились 2 августа полковник с его заместителем по политической части прибывшему генералу. Жаворонков поинтересовался боевыми вылетами и потерями полка за последние две недели. Полковник доложил, что в последнее время они, главным образом, поддерживали наземные войска в боях за Псков, Порхов, Гдов, Лугу и озеро Самро. Кроме того, ими за-

минирован Ирбенский пролив, бомбардировали сь транспортные суда противника в Балтийском море.

— В среднем экипажи совершают в день два-три боевых вылета. Потери тяжелые, особенно при поддержке наземных боев.

Генерал отмахнулся, когда полковник хотел подкрепить свои слова аэронимками. Что полк с честью выполняет свои задачи, ему хорошо известно, но как обстоит дело с настроением экипажей, с техническим состоянием самолетов?

Полковник быстро взглянул на своего заместителя по политической части. Органезов доложил, что штаб полка на прошлой неделе считал необходимым запретить вылеты на несколько дней, чтобы провести обслуживание самолетов и моторов. Это вызвало жаркие дискуссии, большинство экипажей настаивало на том, чтобы продолжать вылеты, а необходимый ремонт проводить в перерывы между ними.

— Товарищи, — прервал Жаворонков Органезова, — Ставка Верховного командования решила поручить вашему полку особо важное задание. В качестве ответа на разрушение наших городов, в качестве ответа на бомбардировки Москвы и Ленинграда нужно нанести удары по военным объектам

в столице фашистской Германии.

При последних словах генерала Преображенский встал.

— Мы с честью выполним это задание.

Генерал пожал обоим руки.

— Другого ответа от вас товарищи, я и не ожидаю. Но давайте сядем. Примеся за работу. Мы должны понять одно: бомбардировкой Берлина мы откроем новую страницу в истории этой войны, мы нанесем удар врагу в глубокотылу, по самому уязвимом месту, по его столице.

В течение нескольких часов Жаворонков, Преображенский и Органезов детально обсуждали эту операцию. В заключение генерал приказал обоим пока сохранять все в строжайшей тайне, выбрать двадцать лучших экипажей. Затем он спросил, когда группа будет готова к передислокации.

— Через сорок восемь часов, товарищ генерал.

ПОСЛЕДНИЕ два дня Жаворонков был не престанно занят. Он приказал отправить на Саарема две авиалодки Ч-2, которые могли понадобиться и для морской разведки, и для спасательных работ. Со штабом Краснознаменного флота он согласовал, что наземный персонал 15-й эскадрильи морской разведки с авиалодками типа МБР-2, расположенный в бухте Кихелконны, возьмет на себя техническое обслуживание и самолетов в Кингисеппе. Бомбы и горючее будут доставлены траулерами в Кингисепп. Но больше всего его беспокоило техническое состояние самолетов и моторов. Собственными силами 1-й торпедно-авиационный полк обойтись не сможет.

(Продолжение следует).

Песнь о Герое Советского Союза вологжанине Е. Преображенском

(Продолжение.)

Начало в №№ 22—24,
26, 27).

Он запросил о помощи штаб флота и командующего воздушными силами в районе Ленинграда генерала Новикова. Когда поздним вечером 3 августа он возвратился в Беззаботное, его уже ждала телеграмма, обещающая поддержку в ближайшие дни.

Однако Жаворонков не хотел больше ждать. Он утвердил списки экипажей, которые предложил ему Преображенский. Многие летчики, в том числе три командира эскадрилий: майор Ефремов, капитаны Гречишников и Плоткин были ему знакомы лично. Он приказал перебросить экипажи в Кагул на рассвете

4 августа. Правда, вместо двадцати ДБ-3 стартовало только пятнадцать. Группой командовал Преображенский, в машину которого сел и Жаворонков. Экипажам была предписана наивысшая боевая готовность, так как Сааремаа уже находился в районе фронта. Он часто подвергался бомбардировкам врага, на подступах к острову часто возникали воздушные бои. Генерал и полковник знали, что их ожидает в Кагуле беспокойная и опасная жизнь. Над Кронштадом группа взяла курс на Запад. Через полчаса полета они приземлились на широком лугу. Для встречи летчиков прибыл генерал Елисейев. Он подал руку Жаворонкову и Преображенскому.

— Добро пожаловать на нашу землю.

ОТВЕТСТВЕННЫМ за шпionage и разведку на территории советских войск в районе действий фашистской группы армий «Север» являлся майор Ессель. По его мнению, с 22 июня 1941 года он вел нелегкую жизнь. Никогда еще не были так бедны и противоречивы данные о положении на той стороне, как здесь, на северо-востоке. Большинство обычных надежных средств, позволявших получить в Польше или Франции хотя бы приблизительно верную картину, здесь отказывали. То и дело получалось, что, согласно донесениям, давным-давно уничтоженные соединения Красной Армии вдруг неожиданно возникали вновь. Например, дело о Зольцы. Никто даже не думал, что танковый корпус Манштейна попадет здесь в

западню. 14 июля она захлопнулась. По меньшей мере целая танковая дивизия была полностью уничтожена, фронт откатился более чем на 40 километров.

Ессель сердито прикусил губу. Будем надеяться, что операция «Эрна» на сей раз удастся. Уже трижды пытался капитан третьего ранга Целлариус перебросить в советский тыл группы эстонских офицеров, которые в 1939—40 годах перебежали к фашистам. Трижды это срывалось. 5 июля вследствие высокой волны почти все лодки затонули, 7 июля они нарвались на советский конвой и должны были убраться восвояси, а 10 июля были обстреляны советскими сторожевыми постами. В конце июля их сбросят на Сааремаа с парашютом. Их задача: разведка советской системы обороны, аэродромов и сил, а также совершение террористических и диверсионных актов.

НА ОСТРОВЕ догадывались о присутствии шпионов, хотя прямых доказательств этого и не было. Поэтому первым делом Жаворонков и Преображенский приняли меры для маскировки самолетов и аэродрома. Они понимали, что главная опасность грозит с неба, в виде

самолетов-разведчиков и бомбардировщиков. С этой целью они создали сеть наблюдательных постов в радиусе от 10 до 20 километров, которые должны были немедленно сообщать о приближении чужих самолетов. Но при скорости 450 километров в час, как у Ю-88, после получения предупреждения оставалось в распоряжении всего две-три минуты. Противовоздушная оборона аэродрома, осуществляемая тремя 76-миллиметровыми зенитными орудиями и пятнадцатью И-153, не гарантировала абсолютной безопасности. Жаворонков стремился к созданию максимума ее надежности и маскировки еще до первого налета. Опыт первых дней воздушных налетов фашистов дал горькие уроки.

Он провел совещание с Преображенским, Органезовым, командиром эскадрильи истребителей Кудрявцевым и инженером Георгиевым, который отвечал за техническое обслуживание и обеспечение самолетов. Вместе они объехали аэродром.

— Давайте порассуждаем с точки зрения противника, — начал генерал. — Как бы мы действовали? Как вы думаете?

Преображенский окинул взглядом местность.

— Бетонной полосы здесь у нас нет, поэтому юнкер-

сы не могут вывести из строя наш аэродром.

— Да, этот вариант отпадает, — кивнул генерал.

Преображенский вспомнил, как они проводили налеты на фашистские аэродромы. Самыми опустошительными бывали удары, когда самолеты стояли не поле друг к другу, как булавки в ожерелье. Одной бомбой уничтожалось два-три самолета.

— Ясно одно, Евгений Николаевич: для нас смерти подобно расставлять машины на опушке леса. Но как их лучше разместить?

Генерал оглядел каждого поочередно. Ни одно предложение, внесенное ими, его не убеждало. Поэтому он вначале не принял во внимание и слова Преображенского о том, чтобы разместить самолеты в сараях и строениях на окраине Кагула, которые подходили почти к самому краю аэродрома, да еще накрыть их маскировочной сетью.

— А как вывести самолеты на поле?

— Как охранять их от фашистских диверсантов?

— Может, задействуем наземный персонал для охраны самолетов? — бросил Органезов.

— Правильно, — поддержал Преображенский.

(Продолжение следует.)

Перевод И. ТИХОНОВА.

Повесть о Герое Советского Союза вологжанине Е. Преображенском

[Продолжение.

Начало в №№ 22—24,
26, 27, 29].

— А дорожку от сараев до аэродрома, как мы это сделаем? — задумчиво спросил генерал и показал на канавы, холмы и откосы.

— Засыплем, сравняем, товарищ генерал, — сказал Георгиад.

— Хватит сил для этого?

— Уверен, что все нам помогут, товарищ генерал, лётный состав тоже.

После окончания работ генерал проверил результаты. На самолете на большой и низкой высотах он облетел аэродром, который сверху казался совершенно безжизненным. Ничто не выдавало присутствия бомбардировщиков.

* * *

ТОВАРИЩ Каспин, главный метеоролог воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота, не чаял в метеорологии души. Он мог простить все, только не сомнение в научности своей деятельности. Для Жаворонкова и всех размещенных на Сааремаа лётчиков в первые августовские дни он стал самым значительным человеком. Но Каспин только отмахивался, если его спрашивали, когда улучшится погода.

— Я же не делаю погоду, — пытался он оправдаться перед особенно нетерпеливыми.

С 4 августа погода над Балтикой изменилась — густые облака, дождь, стало заметно прохладнее. Пробный полет, который совер-

шили экипажи Ефремова, Плоткина и Дроздова, пришлось прервать почти сразу после старта. Несмотря на это, Жаворонков решил первый удар нанести в ночь с 7 на 8 августа.

Нахануне вечером Преображенский собрал всех лётчиков в здании школы в Кагуле. Вот они сидят перед ним: приблизительно сто человек. В первом ряду — командиры эскадрилий. Михаил Плоткин, на первый взгляд тихий, почти флегматичный человек. Кто не видел его в бою, как он умело уходит от огня зениток, как он на бреющем атакует немецкие танки, словно у него штурмовик, а не бомбардировщик, — тот не может правильно судить о нем.

Вот командир 2-й эскадрильи Василий Гречишников, который кладет по-наиперски бомбы в цель, пилот, которого ничто не может вывести из равновесия.

Командир 3-й эскадрильи Андрей Ефремов ближе полковнику больше других. Их связывает многолетняя дружба, окрепшая во многом, что они пережили вместе, закаленная в суровых боях последних недель. В нем Преображенский видел как бы своего преемника, поэтому и настоял на его перемещении в 1-й торпедно-авиационный полк.

— Товарищи, в августе ночи на Балтике очень короткие, настолько корот-

кие, что не можем полагаться на защиту темноты во время всего полета. Берлин — один из самых сильно защищенных объектов в системе фашистской противовоздушной обороны. Мы должны считаться с ночными истребителями, аэростатами заграждения, прожекторами, а главное — с очень сильным огнем зенитной артиллерии. По нашим сведениям, первая зона предупреждения проходит в радиусе ста — ста пятидесяти километров от центра города. В радиусе восьмидесяти километров от города — зона действия ночных истребителей. Насколько нам известно, их базы располагаются в Дебрице, Бранденбург-Бристе, Вернойхене, Финстервальде и Штраусберге. Зенитный огонь нас может встретить на расстоянии от двадцати до двадцати пяти километров от города.

Полковник помолчал, давая лётчикам возможность записать его слова.

— Расстояние Кагул — Берлин — Кагул составляет одну тысячу восемьсот километров, то есть почти на границе возможности нашего дальнего бомбардировщика. Тысячу триста километров придется лететь над морем. Чтобы избежать преждевременной тревоги фашистской ПВО, над морем мы пойдем на низкой высоте.

По классу прошел шепот. Расход горючего на низких высотах в несколько раз

больше, чем на высоте 4000 или 5000 метров. Баки придется заполнить до отказа и все-таки к возвращению останется в запасе лишь несколько минут полета. Пилоты не должны допускать излишнего маневрирования в воздухе.

Полковник прикрепил к доске большую карту, на которой нанесены маршруты полета и имеющиеся данные о фашистской противовоздушной обороне. Каждый экипаж получил маленькую карту с этими же данными.

— Невдалеке от материка мы поднимемся на пять тысяч метров. К цели подходим поодиночке или группами по три самолета. С каких высот будем атаковать цель, зависит от обстоятельств, это решит на месте каждый пилот. Есть вопросы?

Полковник нетерпеливо посмотрел в сторону Органова. Уже несколько часов в полете находится группа морских разведывательных самолетов под командованием капитана Усечева. Она должна пролететь до Штеттина и раздать погоду. Связи с ними пока нет.

Чуть позже в Кагуле принята радиограмма: «Условия полета над целью отличные».

[Продолжение следует].

Перевод И. ТИХОНОВА.

Олаф Греллер

Повесть о Герое Советского Союза

вологжанине Е. Преображенском

(Продолжение.
Начало в №№ 22—24, 26—
27, 29, 30).

В ЭТУ ЖЕ ночь с 7 на 8 августа под Лугой фашистские танковые и моторизованные дивизии готовятся к наступлению на Минниград. Через несколько дней город будет взят, город накануне Гитлер оккупатора Румынии Антону. Россия на грани поражения, большая часть ее территории уничтожена, только самолеты захвачено 10000 штук, сопротивляются остатки Красной Армии, боеготовность их низкая. До осени 1941 года война будет окончена.

В ту же ночь в небе Москвы молодой лейтенант Тамихин из 177-го истребительного полка впервые совершил таран самолета B-111, первый успешный таран в истории воздушной войны, а на Украине, на Буге; на Десне, у Великого Луки и под Лугой идут жестокие оборонительные бои.

Тринадцать самолетов, полностью заправленные, готовы к полету, у каждого под крылом 8—10 стокилограммовых фугасных бомб. Они полетят тремя группами, первую поведет Преображенский, вторую — Ефремов, третью — Гречишников. Полковник первым поднялся в машину, за ним последовали штурман Хохлов, радист и бортстрелок Кротенко и стрелок Рудаков. Все они с трудом подавляют волнение. Комиссар Органезов ходит от самолета к самолету.

— Сверим часы, комиссар.

— Стрелки почти подошли к 21.00.

— Не волнуешься, комиссар?

— Нет причин волноваться.

— У нас есть. Что? — полковник улыбается. — Мы гладкокровны, как черти. Пожелай нам приятного аппетита к завтраку. И не беспокойся о нас. Все будет хорошо.

Фонарь кабины задвинул. Полковник запустил моторы, сначала на малых оборотах, затем все больше добавляя газу. Преображенский включил бортовое радио.

— Как меня слышно?

— Нормально, — ответил Хохлов.

— Кротенко?

— Хорошо, товарищ командир.

— Я тоже слышу хорошо, — докладывает Рудаков.

Над аэродромом вспыхнула зеленая ракета. ДБ-3 медленно катится, тяжело подпрыгивая на лугу. Аэродром лежит в полнейшей темноте. ДБ разворачивается и катится по краю поля. Полковник дает полный газ. Машина бежит все быстрее по травяному полю. 500 метров, 400 метров, 300 метров. Под колесами все еще земля. Только в 200 метрах от края аэродрома машина тяжело отрывается, затем быстро набирает высоту, делает круг над аэродромом и летит прочь, в ночной мрак.

С короткими интервалами один за другим стартуют самолеты. В бортовых журналах сделана первая запись: старт — 21.00.

Пока машины еще взлети от оккупированного фашистами Балтийского побережья, они набирают высоту. Чем выше, тем холоднее. На высоте 4500 метров температура снаружи минус 30 градусов. Одеты маски. Облака громоздятся перед летчиками, как огромные горные хребты. Самолет режет их крылом. Но через некоторое время погода проясняется, прогноз Каспина подтверждается. На бреющем полете идут затем самолеты, поблескивая металлом в лунном свете, над бесконечно большим Балтийским морем.

В самолете совершенно темно. Слегка светятся только приборные доски. Самая тяжелая работа у штурманов. Курс лежит сначала на Готланд, оттуда самолеты поворачивают на Борнхольм, на юго-запад. От Борнхольма снова взят курс на юг.

— Слева Штеттин, — сообщил по радио Хохлов.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Самолет винчивается в темно-синее, теперь ясное ночное небо. Идут минуты, по временам внизу коротко вспыхивает. Пересекает реку, канал, железнодорожное полотно.

Через несколько минут после него над Штеттином проходит самолет Ефремова. Как большие белые пальцы, уперлись в небо лучи прожекторов. Несколько в стороне от города Ефремову кажется — он видит вспышки освещения посадочной полосы аэродрома. Ночные истребители? Но зенитки молчат. Считают они нас за своих? Стали жертвой собственной пропаганды, что советской авиации больше не существует?

Ефремов посмотрел на карту: от Штеттина до Берлина еще около 30 минут лета. Он поднял самолет на 700 метров. Связь с другими самолетами группы оборвалась. Бомбардировщики идут к цели поодиночке.

Машина Преображенского взобралась на высоту 6500 метров. Температура снаружи минус 45 градусов. Дышать в ДБ-3, который не имеет герметической кабины, тяжело. Бортстрелок Рудаков хрипит. Его кислородный прибор отказал. У Преображенского из ушей каплет кровь. У него лопнули барабанные перепонки.

Из темноты ночи наплывают очертания огромного города, как кажется редисту Кротенко, плохо замаскированного, потому что всюду видно сияние огней, освещенные рельсы отчетливо видны даже с большой высоты. Преображенский делает широкий вираж и снижается.

Как паутиная сеть, в которой видно множество тонких белых нитей, лежит под ними Берлин. Из беспроектной темноты вырисовываются теперь шпили церквей, фабричные трубы и здания.

Преображенский отдаст штурвал вперед. Нос бомбардировщика клонится к земле. Шум в ушах, в пике машина рокошет сейчас над Панковом, скользит к центру.

Посты воздушного наблюдения и оповещения Берлина слышали нарастающий с северо-востока гул моторов. Они предположили, что один из самолетов связи летит к аэродрому Темпельхоф или возвращается из учебного полета «ночной охотник», который по неосторожности попал в берлинскую запретную зону.

Хохлов прирос к прибору бомбометания. Его указания кратки и ясны. Теперь он принял командование.

— Держать боевой курс! Цель под нами!

Под самолетом нарастает объемное здание Штеттинского вокзала. В самолете царит полнейшая тишина.

Вдруг самолет охватывает дрожь. Полковник чувствует, как после каждой выскользнувшей бомбы самолет делает маленький облегченный прыжок вверх.

«Если бы попасть в рейхстаг!» — думает радист Кротенко. Одновременно ногой он выталкивает большой пакет через открытый бомбовой люк — 10000 листовок с речью Сталина от 3 июля 1941 года.

Внизу серия взрывов разрывает ночную тишину. На территории Штеттинского вокзала вспыхивает яркое пламя. Как позже установила фашистская полиция, разрушено три железнодорожных полотна, повреждены рельсы и двадцать товарных вагонов.

Посты воздушного наблюдения в центре Берлина отметили на севере города между 23.45 и 23.58 короткие вспышки и насчитали 23 удара. Никто из них сначала не мог даже предположить их истинной причины. Что там, зенитная артиллерия ведет тренировочные стрельбы? Ведь о самолетах противника донесений не было, английские самолеты находятся вне зоны досягаемости. А кто же еще может совершать налет на Берлин?

Смятение в штабе берлинской противовоздушной обороны так велико, вера в пропагандистские утверждения о разгромленной советской авиации так сильна, что только через 20 минут после полуночи, через 35 минут после того, как упали первые бомбы, в Берлине объявлена воздушная тревога.

Что до сих пор не удавалось и до 1945 года больше не удастся, свершили летчики группы Преображенского: они застали врасплох фашистскую противовоздушную оборону Берлина, самую сильную и оснащенную, какая только была в 1941 году.

(Продолжение следует).

Перевод И. ТИХОНОВА.

Повесть о Герое Советского Союза вологжанине Е. Преображенском

(Продолжение.
Начало в №№ 22—24,
26, 27, 29—31).

Воздушный налет на Берлин показал всему миру, что советская авиация не разбита и не уничтожена, а реально существует и оказывает достойное сопротивление. Германский военный атташе в Вашингтоне генерал Фридрих фон Бёттихер, как и многие другие фашистские политики и генералы, посчитал этот полет совершенно невероятным и выразил озабоченность, что даже самые реакционные представители американской военщины перед лицом таких фактов станут считать в высшей степени сомнительными и утверждения верховного командования вермахта о предстоящем в скором времени поражении СССР.

Воздушный налет на Берлин послужил и в США индикатором того, что Советский Союз располагает гораздо большими возможностями, чем это принято было считать.

Противовоздушная оборона Берлина быстро оправилась от шока, нанесенного внезапным появлением советских самолетов, о возможности чего даже не по-

мышляли. В небо взвились ночные истребители, бросились вдогонку. Но Преображенскому и всем самолетам его группы удалось уйти от преследования.

Через несколько минут после полуночи к городу подошла вторая группа под руководством капитана Ефремова. Перед самолетом Ефремова плотной стеной встали разрывы зенитных снарядов.

«Заградительный огонь», — подумал капитан. Он бросает самолет вверх, поднимается на высоту почти 7000 метров. Снаряды разрываются прямо перед ним, всплесками пламени рвут темноту, разлетаются на сотни метров. Руки Ефремова крепко сжали штурвал. Им надо прорваться. Сжав губы, он ведет самолет прямо, не отклоняясь. Штурман Серебряков кричит в микрофон и, несмотря на шум моторов и треск разрывов, все его поняли:

— Мы прорвались! Цель под нами! Держать боевой курс!

Внизу, в северной части Берлина, в Райникендорфе, где расположены заводы Сименса и военные заводы «АЕГ», вспыхивают красные и желтые языки пламени.

* * *
На КП в КАГУЛЕ провели тоже бессонную ночь. После того, как генерал Елисеев распрощался, Жаворонков и Органезов то и дело смотрели то на карту, то на часы.

— Сейчас они должны быть уже у Гетланда.
— Борнхольм.
— Штеттин.

Наконец, Органезов не выдержал. Он обратился к радисту:
— Найди Берлин!

Радист Росляков помедлил. Слушать вражеские передачи строжайше запрещено. Он посмотрел на генерала, который, казалось, ничего не слышал.
— Давай-давай!

Указатель волны побежал по шкале приемника. Раздался звучный голос. Росляков улавливает только обрывки слов... Бомбардировки, Лондон...

— Не то, не то... Это Лондон. Ищи скорее!
Марш, громкий, бравурный, вдруг оборвался. Голос диктора:

— Радиостанция «Дойчландзендер» прерывает свою передачу. Вражеские самолеты приближаются к столице рейха.

— Это наши!

Свыше двух часов продолжалась воздушная тревога в Берлине. Один за другим прорываются к городу самолеты, но только пять прорвались к центру. Они сбросили бомбы на правительственный квартал по улице Вильгельмштрассе.

На рассвете 8 августа все 13 самолетов приземлились в Кагуле.

Совинформбюро сообщило: «В ночь с 7 на 8 августа группы наших самолетов совершили разведывательный полет над Германией и сбросили фугасные и зажигательные бомбы на военные объекты в районе Берлина. В результате бомбардировки возникли пожары, наблюдались сильные взрывы. Все наши самолеты без потерь вернулись на свои базы».

В это же время Берлин сообщал: «В ночь с 7 на 8 августа большие силы английской авиации пытались провести бомбардировку столицы. Благодаря действиям ночных истребителей и зенитной артиллерии английские самолеты отогнаны. Из 15 самолетов сбито 6».

Лондонская радиостанция «Би-би-си» в своих последних известиях передала: «Немецкие сообщения о бомбардировке Берлина довольно загадочны, так как в ночь с 7 на 8 августа королевская авиация не совершала налета на Берлин».

Действительно ли в Берлине не знали, чьи это были самолеты? Или не хотели признать перед мировой общественностью крах крикливой пропаганды, ее мышления о том, что советская авиация уничтожена на земле нацистскими самолетами? Во всяком случае, полицейпрезидиум Бер-

лина в своем сообщении о налете в ночь на 8 августа на столицу рейха недвусмысленно говорил о советских самолетах.

В ночь с 8 на 9 августа в 23.58 в Берлине снова объявлена воздушная тревога. На сей раз двенадцать ДБ-3 сбросили на город 72 стокилограммовые фугасные бомбы и 2500 листовок. Один ДБ-3 в нескольких километрах от Кагула упал в море. Летчики были подняты на борт поспевавшего на помощь траулера.

Через день после этого по Сааремаа был нанесен страшнейший бомбовой удар. С раннего утра до позднего вечера висели над островом Ю-88, Ме-110 и Ме-109. Они бомбили Кингисеп и один из аэродромов.

Но ожидания фашистского командования — разгромить советскую авиацию на острове — не оправдались.

Ставка Верховного командования Советских Военно-Воздушных сил переместилась на Сааремаа еще двадцать опытных в ночных полетах экипажей вместе с самолетами из 200-го полка бомбардировщиков под командованием майора Василия Щелкунова. Их разместили на аэродроме Аста в двадцати километрах северо-восточнее Кагула. Вскоре после приземления Щелкунов в сопровождении капитанов Тихомирова и Крюкова, своих командиров эскадрильи, отправился в Кагул, чтобы обсудить вместе с морскими летчиками следующий налет на Берлин. Теперь на Сааремаа было уже сорок дальних бомбардировщиков.

(Продолжение следует).

Перевод И. ТИХОНОВА,

Повесть о Герое Советского Союза вологжанине Е. Преображенском

Олаф Греллер

В ПРИЦЕЛЕ — БЕРЛИН!

[Продолжение.

Начало в №№ 22—24,
26, 27, 29—32].

КАЖДОЕ утро Михаил Водопьянов появлялся в Кремле и докладывал о количестве имеющихся в его распоряжении самолетов. Вчера их было двенадцать, сегодня тринадцать, на следующей неделе будет шестнадцать. Подмосковный завод, рядом с которым находился аэродром, работал день и ночь. Каждый самолет, который выпускался после минимального опробования, уже ждали летчики. Их было гораздо больше, чем самолетов.

Летчики прибывали со всех концов Советского Союза. Тут были и из авиации, и из Аэрофлота, полярные

летчики, летчики-испытатели, инструкторы и т. д. Они составили ядро сформированной 15 июля 1941 года 81-й авиационной дивизии, которая в свою очередь составила основу для создания соединений дальней авиации. Оба ее полка, 432-й и 433-й, были вооружены самыми мощными самолетами, созданными советской авиационной промышленностью во время Великой Отечественной войны, — четырехмоторными бомбардировщиками ТБ-7 (Пе-8), конструкции Петлякова. Длина такого самолета составляла свыше двадцати трех метров, т. е. почти на десять метров превосходила длину ДБ-3Ф. Он мог взять вдвое больше бомбовую нагрузку. Экипаж его составлял одиннадцать

человек: два пилота, пять бортстрелков, радист, бомбометатель, борттехник и командир корабля. Вооружение состояло из четырех пулеметов и двух пушек. Максимальная высота — 9000 метров, дальность полета — 3.000 километров, наибольшая скорость на высоте 6500 метров — 440 километров в час. Это был один из лучших бомбардировщиков того времени.

Командиром этого соединения был назначен замечательный полярный летчик Водопьянов, которого в этот день в Кремле принял Сталин.

Водопьянов доложил, что в его распоряжении на сегодня имеется 22 самолета.

Сталин кивнул, довольный его докладом.

— В ночь с одиннадцатого на двенадцатое августа вы совершите первый налет на Берлин.

Проходящая враз и вперед по кабинету, он продиктовал Молотову приказ об операции.

На следующий день дивизия передислоцировалась из района Москвы в Пушкин под Ленинградом. 18 самолетов были готовы к боевым действиям, 4 из-за повреждений в моторах должны были остаться.

Вечером 18 ТБ-7 взлетели и взяли курс на Берлин. Их маршрут пролегал также через Балтийское море. В это же время на старт в Асте и в Кагуле вышли 13 самолетов типа ДБ-3.

— Еще двадцать минут до цели, — доложил штурман Штепенко Водопьянову.

Пока полет проходил без эксцессов. Под ними был полнейший мрак и тишина.

Один из моторов вдруг потерял ритмичность в работе. Водопьянов взглянул на выотомер: 7000 метров. Для компрессора на такой высоте слишком мало воздуха. «Поэтому, — подумал он, — придется идти на трех моторах».

— Внимание! Под нами Берлин! Открыть бомбовые

люки! — приказал Штепенко.

Как будто по шнуру ведет самолет первый пилот Эндель Пуссеп. Около 4 тонн бомб ринулось вниз. Водопьянов чувствовал, как всякий раз самолет подсакивает вверх, когда очередная бомба вырывается из люка.

В то мгновение, как закрылись бомбовые люки, перед ними выросла стена разрывов 8,8-сантиметровых снарядов. С резким грохотом рвутся снаряды впереди, сзади, под ними. Трансирующие снаряды описывают дугу, десятки вспыхнувших прожекторов пытаются поймать их. В этом аду ТБ-7 бросает из стороны в сторону.

Водопьянов посмотрел вниз. Красивое зрелище, но опасное.

— Взять влево на десять градусов, — приказал Штепенко. — Курс домой!

Вдруг в машине стало светло, как днем. На миг ослепленный Водопьянов закрыл глаза. Пуссеп попытался вырвать самолет из смертельных объятий прожектора. ТБ-7 дрожал от резких маневров и близких разрывов. Эта борьба продолжалась несколько минут. Наконец ослепительный свет исчез. Из отверстий диаметром в кулак в кабину

хлестал холодный ветер.

— Бортмеханик, что случилось?

— Большое количество пробоин, товарищ командир. Он помедлил, затем доложил:

— Правая плоскость повреждена. Вероятно, пробит бензобак. В остальном, — добавил он, — все в порядке.

— В порядке? — взорвался Пуссеп. — На сколько хватит горючего?

— На четыре часа. Слишком мало. Нам предстоит лететь еще пять часов.

Водопьянов ищет кратчайший маршрут. Может, удастся пересечь хотя бы линию своих войск. Она проходит поперек Восточной Европы. Но они попали в обширную область циклона, который сводит на нет план Водопьянова. За бортом — снег. И это — в августе! Пилоты не видят ничего. Нужно искать обход. Водопьянов приказал постепенно переходить на бреющий, планировать, чтобы экономить горючее. Четвертый мотор вдруг тоже начал работать. На высоте 1800 метров ТБ-7 пробил густую облачность.

[Продолжение следует].

Перевод И. ТИХОНОВА.

Повесть о Герое Советского Союза вологжанине Е. Преображенском

(Продолжение.
Начало в №№ 22—24,
26, 27, 29—33).

Под ними расстилась обширная ровная местность, видны были несколько доу-

р. Далеко впереди увидели ни проблески огня. Наверное, там фронт.

— Мы изд Эстонией, — произнес Штепенко. — Через полчаса были бы дома.

Как по команде, все четыре мотора начинают да-

вать перебой. В кабине надула полнейшая тишина. Самолет начинает быстро

сжиматься. Водопьянову надо срочно принимать решение. Выпрыгнуть с парашю-

том — значит наверняка попасть в руки фашистов; при-

лечь в открытом поле — значит привлечь внимание врагов и погибнуть. Он

приказал Пуссепу лететь к большому лесу. Может, там есть поляна. Если бы там

далось приземлиться, у них был бы хоть какой-то ре-

зерв времени. Один за другим члены экипажа переходят в хвост бомбардировщика. При вы-

нужденной посадке там больше всего шансов остаться в живых. Только Пуссеп и Водопьянов остались

Олаф Греллер

в кабине. Лес перед ними все вырастает. С глухим звуком ТБ-7 ударяется о вершины деревьев, вршит ими, все глубже входя в них и ломая плоскостями.

Самолет повис на вершинах деревьев между небом и землей. Корпус самолета весь разбит и ободран, моторы оголены.

Но ни один летчик серьезно не пострадал. Они вылезают из самолета, некоторые стонут, у некоторых от боли перекошены лица. Водопьянову ясно, что им неслышанно повезло. Он вер-

рит в свою звезду, торопит людей, хочет увести их подальше от самолета, подальше от преследователей. Через несколько часов марша по эстонским лесам экипаж вышел к какой-то же-

лезнодорожной станции. Она еще удерживалась арь-ергардом Красной Армии.

Этой же ночью Водопьянов прибыл в Ленинград, а на следующий день вылетел в Ставку, в Москву.

В этот же день, 13 августа 1941 года, Совинформбюро сообщило, что летчикам Преображенскому, Ефремову, Гречишникову, Хохлову и Плоткину за мужественные действия при выполнении боевого задания присвоено звание Героев Советского Союза.

Ночью 12 августа 1941 года с 0.14 до 02.38 на фашистскую столицу совершили налет одиннадцать ТБ-7 и семь ДБ-3Ф, которые сбросили шесть 250-килограммовых, двадцать шесть 100-килограммовых,

48 бомб по 50 килограммов и свыше 100000 листовок. Это был самый крупный налет, который совершила советская авиация на политический и экономический центр гитлеровского фашизма. Соответственно среагировало и «ОКВ» (Верховный штаб вермахта). Уже 12 августа генерал от артиллерии Йодль, начальник руководящего штаба вермахта, ближайший стратегический советник Гитлера,

предложил ему дополнение к Директиве № 34 от 30 июля. В нем говорилось: «Как только позволит обстановка, необходимо совместными усилиями сухопутных войск, военно-морского флота и авиации уничтожить опорные пункты авиации и флота

противника на Даго и Эзеле. При этом в первую очередь необходимо предусмотреть уничтожение вражеских аэродромов, с которых определенно совершались налеты на Берлин».

Гитлер подписал документы в тот же день.

Группа армий «Север» получила приказ в кратчайшие сроки осуществить операцию «Беовульф-2». Две дивизии, 291-я и 61-я, под командованием генерала инженерных войск Кунце были сняты с фронта и сосредоточены для высадки на остров. Но главнокомандующий 1-м воздушным флотом генерал-полковник Келлер, который еще в 1917 году участвовал в налетах на Лондон и с тех пор многими был окрещен «бомбовый погреб», все еще надеялся вывести из строя советскую авиацию на Сааремаа одними ударами с воздуха.

С 10 августа над островом ежедневно висели несколько фашистских разведчиков. Самолеты Me-110 на бреющем полете то и дело атаковали Кагул и Асте. Но было ясно видно, что ни в

штабе 1-го воздушного флота, ни в штабе авиации Балтийского флота точно не знали, какие аэродромы на Сааремаа служили базами для самолетов ДБ-3Ф. Маскировка оказалась для фашистской авиации непреодолимой.

Однажды ночью начальник штаба БОБР был разбужен Преображенским. Вблизи аэродрома Кагул сброшены фашистские парашютисты, которые пытаются его атаковать. Охтинский немедленно выделил специальное подразделение под командованием начальника особого отдела Павловского. Охтинским было приказано также добыть пленных, чтобы узнать о фашистских намерениях и о том, что им известно.

После тяжелых боев фашистские диверсанты были захвачены. Ими оказались эстонские фашисты, которые прибыли по заданию капитана третьего ранга Целлариуса. Они показали, что ожидают прибытия немецкого радиста. Советским контрразведчикам пришлось недолго ждать.

[Продолжение следует].

Перевод И. ТИХОНОВА

* Игра слов: «келлер» — по-немецки: погреб, пс-вал.

(Продолжение. Начало
в №№ 22—24, 26, 27,
29—34).

На следующий вечер крестьяне сообщили, что недалеко от Кагула они видели спускающегося немецкого парашютиста. Поисковый отряд Павловского прочесал подозрительные рощицы и обнаружил его. Немецкого радиста допрашивал Вольдемар Куйст. Он показал, что должен был ждать встречи с доверенным человеком, чьи данные о точном расположении аэродромов и их гарнизонов надлежало ему передать.

Куйст решил выступить в роли немецкого радиста. На третий день появился приземистый, с военной выправкой человек, в котором без труда можно было узнать офицера. Он назвался Фишером. Им был доставлен обширный шпионский материал.

—Одно совершенно ясно, — докладывал Павловский Охтинскому, — фашисты знают, где наши бомбардировщики. Их агенты все еще есть среди нас. Они будут искать пути и средства передавать донесения с острова. Нам надо ждать налетов на Кагул и Асте.

Павловский оказался прав. На 16 августа был предусмотрен четвертый налет на Берлин. На сей раз из Кагула и Асте стартовали 12 ДБ-3Ф, но гораздо раньше, чем обычно. Едва они исчезли из поля зрения, как над обоими аэродромами появились фашистские бомбардировщики и штурмовики, именно в тот момент, когда обычно «Ильюшины» выходили на стартовую полосу.

Поэтому от налета на Кагул пострадали только возвращавшиеся истребители сопровождения, два из которых были полностью разрушены, а один сильно поврежден. «Тяжелые потери», — подумал Жаворонков, — истребители для нас дороже золота.

Оба аэродрома после налета были сильно повреждены, усеяны воронками. Под руководством Органезова матросы, старшины и офицеры постарались заровнять поле, чтобы подго-

товить его к посадке ожидавшихся к утру самолетов. Жаворонков этой ночью не сомкнул глаз. Как тяжелая ноша, угнетала мысль: а что, если противник повторит налет во время посадки самолетов?

Это была долгая ночь для генерала. На рассвете посты наблюдения и оповещения были в полной боевой готовности, когда со стороны Рижского залива послышался гул моторов. Это были Ю-88, которые на брешющем полете пронеслись над Кагулом и Асте. Град бомб обрушился на оба аэродрома, образовав густую сеть глубоких воронок. Еще не ушли эти самолеты, как посты доложили о приближении новой группы. Нахлынула новая волна. Через десять минут оба аэродрома были опять окутаны дымом взрывов. Деревня Кагул горела. Наземный персонал, зенитные расчеты понесли потери, много жертв имелось среди местного населения.

Самолеты еще кружили над аэродромами, когда генералу сообщили, что с направления Готланда к острову приближаются возвращающиеся самолеты. Казалось, наступает то, чего долго втайне опасался Жаворонков: самолетам придется садиться под градом фашистских бомб. Во всяком случае, горячего хватит еще на двадцать минут. Но затем надо садиться. Генерал отдал приказ, чтобы самолеты задержались на некоторое время вдали от острова.

Больше всего его мучил вопрос: будет ли третья волна? Посты давали успокаивающие ответы. Воздушное пространство свободно

от самолетов. Жаворонков справился о состоянии аэродромов. Посадка сейчас невозможна, доложили ему.

Невозможного для генерала не было. Он приказал всем: средствами привести в порядок хотя бы небольшой участок для посадки. Каждая секунда была на счету. Отчаянно спеша, матросы, зенитчики, обслуживающий персонал и механики засыпали только самые глубокие воронки, сгружали с грузовиков связки веток и другой материал. К счастью, противник сбросил больше осколочных бомб, чтобы вывести из строя стоящие на земле самолеты, а они не оставили глубоких воронок.

Через десять минут Кагул доложил, что на 200 метрах возможна посадка. Хуже было в Асте. Самолеты из полка Щелкунова сажались буквально на по-

следней капле бензина.

Жаворонков свободно вздохнул только тогда, когда последний самолет был посажен и замаскирован, и он выслушал доклад Преображенского. Семнадцать самолетов, доложил полковник, прорвались к Берлину и сбросили пять 56- и сто 62-килограммовых фугасных бомб, а также около 600 зажигательных. Взрывы и пожары наблюдались в центре, в северной западной и северо-восточной частях города. Два самолета перепутали цели и бомбили Штеттин и Нойбранденбург. Особенно тяжелым было то, что два ДБ не дотянули и упали недалеко от аэродрома, возможно, из-за нехватки горючего. Точные причины их падения надлежало еще выяснять.

[Продолжение следует].
Перевод И. ТИХОНОВА.

Календарь Победы

Все дальше отодвигаются от нас суровые годы минувшей войны, но и по сей день не ослабевает, а наоборот, усиливается интерес советских людей к воинскому подвигу советского народа.

Особым спросом пользуются книги о войне. В книгу 30-летия привлеч внимание вышедший в издательстве «Политической литературы» «Календарь Победы» под редакцией выдающегося полководца маршала Советского Союза А. М. Василевского.

В календаре читатели и «красные следопыты» найдут много интересного — в нем отражены все главные этапы войны, все главные операции Советской Армии. Имеется список трижды и дважды Героев Советского Союза. Из календаря читатель узнает о Героях Советского Союза, зачисленных приказами министра обороны СССР в списки воинских частей, экипажей и военных учебных заведений.

Среди них есть и пять вологжан — Д. А. Глухов, В. А. Образцов, А. А. Кузнецов, П. М. Норицын, М. Н. Самарин.

В ПРИЦЕЛЕ - БЕРЛИН!

Повесть о Герое Советского Союза
вологжанине Е. Преображенском

[Продолжение. Начало
в №№ 22—24, 26, 27,
29—34, 36].

Смертельно усталый Жаворонков отправился на свой командный пункт. Да, летчики 1-го торпедно-авиационного полка сильно утомались. Жизнь на острове не идет ни в какое сравнение с жизнью в Беззаботном. Сааремаа стал театром военных действий. Генералу было ясно, что прежними силами наносить удары уже не придется. Необходимо варьировать и тактику по опыту прошлой войны. Нельзя допускать застоя, наши бомбардировщики должны заставить врага врасплох, в разное время стартовать, чтобы не дать возможности подставить себя под удар на земле.

Не прошло и 24 часов после налета, как посты наблюдения сообщили о новом приближении самолета. В Кагуле и Асте объявили тревогу. Но особенно никто не волновался. Ночная темнота обеспечивала защиту. Что не удалось фашистам днем, то ночью и продално не удастся. Все ближе слышен гул «юнкерсов», идущих с разных сто-

незаметно в небо взвилась красная ракета, затем еще одна, еще одна... Ночное небо сразу вдруг усеяно красными, зелеными и желтыми сигнальными ракетами, которые взвиваются именно там, где спрятаны самолеты. На командном пункте новая подлость гитлеровской пятой колонны вызвала сначала растерянность. Фашистским летчикам теперь легко ориентироваться на цели, которые раньше было невозможно обнаружить.

Жаворонков быстро обернулся, когда адъютант обратился к нему:

— Товарищ генерал, дай-те приказ, чтобы и мы стреляли ракетами!

Генерал не раздумывая ни секунды. Майор Быков бросился к полевому телефону. Через две минуты над островом ввыхнул надтоющий фейерверк. Посты наблюдения, зенитчики и штабные офицеры пустили ракеты отовсюду. Небо как бы иллюминировано, дезориентируя немецких летчиков. Налет прошел, не причинив особого вреда.

С горяченько наблюдали летчики в Кагуле и Асте, как фашистская авиация устраивала террор по отношению к мирному населению. Ежедневно они видели, как фашистские истребители со свастикой на крыльях охотились за отдельными крестьянами и рыбацкими лодками. По поручению Ставки Верховного командования на Сааремаа прибыл летчик-испытатель Владимир Коккинаки с целью проверить, нет ли возможности усилить в ответ на это бомбардировки Берлина более мощными бомбами. Никто не знал, ДБ-3 лучше, чем Коккинаки. Он их испытывал, в 1936 году доказал высокие качества этого самолета несколькими международными рекордами. Тогда он достиг высоты 11005 метров, имея 2000 килограм-

мов груза на борту. В 1939 году он совершил беспосадочный перелет на расстояние 8000 километров из Москвы через Гренландию в Северную Америку. Но от ДБ-3 в Кагуле и Асте таких способностей ожидать было нечего. Их моторы даже в самой благоприятной обстановке не смогут дать больше 75 процентов былой мощности.

Вначале сделали попытку стартовать с одной тысячекилограммовой бомбой. Гречишников вызвался добровольцем.

За несколько минут до него в воздух поднялся Преображенский. Он с тревогой смотрел на то, как машина тяжело, у самой границы аэродрома оторва-

лась от земли, затем потеряла устойчивость, наклонилась вправо.

Перегруженный «Иллюшин» срезал крыльями верхушки молодых деревьев. Загорелись расположенные под плоскостями кассеты с зажигательными бомбами. Штурман Власов сбросил их. Но огонь уже перебрался дальше. Напрасно Гречишников старался посадить машину у опушки леса. Самолет потерял управление и упал. Пламя охватило его. Гречишникову и Власову удалось разбить фонарь кабины и выскочить. Радиста и бортстрелка Семенкова спасти не удалось.

Но опыты продолжались. Теперь самолеты загружались 500-килограммовыми бомбами. Но только самые лучшие и опытные летчики в состоянии были управлять самолетами, как Коккинаки. Чтобы обеспечить надежный взлет, экипаж сократился с четырех до трех человек, сняли прибор для крепления торпед, сняли ненужные приборы, даже пулеметы.

Налеты фашистской авиации на Кагул и Асте стали все чаще и чаще. Келлер придерживался своего плана: уничтожать посредством бомб всякую жизнь на аэродромах. Жаворонков и советские пилоты продолжали борьбу в условиях исключительных трудностей: разбитых аэродромов, неудовлетворительного снабжения, так как блокада острова посредством легких фашистских кораблей и минных полей становилась все хуже.

19 августа 1941 года пять советских тяжелых бомбардировщиков появились снова над Берлином. Воздушная тревога длилась с 01.31 до 02.46. 21 августа самолеты, ведомые майором Шелкуновым, капитаном Юслиным и комиссаром Павловым, снова проорвались к центру Берлина. Они сбросили с высоты

6000—7300 метров первые три 500-килограммовые и четыре 100-килограммовые фугасные бомбы и восемь 50-килограммовых зажигательных емкостей. Четыре других самолета из-за тумана и снега отклонились от цели и отбомбились в Свинемюнде, Данциге и Лиепае.

31 августа в Берлине уже в 22.00 звывли сирены, когда шесть ДБ-3 подошли к городу. 2 сентября два советских дальних бомбардировщика снова над фашистской столицей, а 4 сентября 1941 года «Иллюшины» опять совершили налет. В последний раз полковник Преображенский доложил Жаворонкову:

— Нахожусь над Берлином. Задание выполнено!

Расчеты Келлера не оправдались. Несмотря на численное превосходство противника, советская авиация в Кагуле и Асте жила и действовала.

Фашистское верховное командование решило изменить тактику. Поскольку Келлер оказался не в состоянии выполнить данное обещание, главнокомандующий группой войск «Север» генерал-фельдмаршал Фон Лееб принял окончательное решение направить на захват островов Муху, Сааремаа и Хиума две дивизии, которые он планировал для удара по Ленинграду.

27 августа фашистские десантные корабли флота «Испытательные корабли Балтийского моря» в полном составе сосредоточились в рижском порту. 6 сентября командующий авиацией Балтийского моря нанес самый сильный удар с воздуха по Кагулу и Асте. Шпионские сведения были теперь достаточно полными. Шесть ДБ-3, один Ил-2 и один Миг-3 были уничтожены на земле. Положение 1-го торпедно-авиационного полка и подразделений фронтовой авиации на острове становилось критическим. Им было приказано оставить аэродром. 1-й торпедно-авиационный полк взял курс на Ленинград и возвратился к месту постоянной дислокации в Беззаботное. 8 сентября атакой против советских гарнизонов на Вормси и Кессуланде началось фашистское генеральное наступление на Балтийские острова.

4 часа утра 14 сентября 1941 года. Еще совсем темно. Солдаты фашистского 151-го пехотного полка медленно входят в расквашивающиеся десантные лодки, по шесть человек в каждую. Взвилась вверх зеленая ракета. Ровно 4 часа. Застучали моторы 180 десантных лодок. Они отправились почти в 30-километровый путь на Муху.

Через несколько минут открыла огонь тяжелая дивизионная артиллерия. Снаряд за снарядом рвались на Муху. Генерал Вюлиш, начальник штаба 1-го авиакорпуса, не мог отказать себе в удовольствии лично руководить действиями авиации. Его бомбардировщики должны с 4.30 до 4.40 пробить семь коридоров в советской обороне побережья.

[Окончание следует].
Перевод И. Тихонова.

Олаф Греллер

Повесть о Герое Советского Союза

вологжанине Е. Преображенском

[Окончание. Начало
в №№ 22—24, 26, 27,
29—34, 36, 37].

Едва заглух стук моторов десантных лодок, как солдаты 162-го пехотного полка, образуя вторую волну, внезапно попали под ураганный огонь. Пулеметные очереди прошивали помещения для личного состава и штабные комнаты. На берегу царил полнейшая паника. Сломая голову солдаты в темноте бросились кто куда, стараясь спрятаться за малейшим укрытием ровного берега. Генерал Кунце уже решил, что наступление сорвалось. Только через несколько минут ожесточенной перестрелки выяснилось, что 1-я рота 151-го пехотного полка сбилась с курса и высадилась десантом на собственный берег, в полнейшей уверенности, что перед нею остров Муху.

Но и те подразделения, которые не сбились, подошли к острову Муху позже, чем планировалось, и были остановлены советскими защитниками вблизи от берега.

Поскольку атака захлебнулась, генерал Вюлиш вылетел на рассвете сам на Муху на своем самолете «Аист». С воздуха ему представилась нераспространенная картина. Фашисты продвинулись едва на 200 метров. Берег усеян трупами, ранеными, предметами вооружения и снаряжения.

Целая флотилия лодок (к вечеру 50 из 180) плавают в воде в виде обломков.

Еще худшая встреча была оказана усиленной роте знаменитого полка Канариса «Бранденбург», лучшей роте фашистской контрразведки. Под командой капитана Бенеша бранденбургцы попытались повторить налет 1940 года на бельгийский форт Эбен Эмаель. Они хотели подобраться на планерах и захватить советскую 34-ю береговую батарею на полуострове Кюбассааре. Но артиллеристы под командой старшего лейтенанта Букоткина были сделаны из другого теста, чем защитники Эбена Эмаеля. Вместо того, чтобы окружить батарею, парашютисты Канариса сами оказались в кольце.

Другая группа кораблей была артиллеристами Букоткина разогнана. Вюлиш приказал второй группе 26-й эскадры оказывать непрерывную поддержку с воздуха окруженным.

43-я батарея несла тяжелейшие потери, большинство орудий вышло из строя, но бой не прекращался. Кольцо вокруг врагов не разжималось.

16 сентября Бенеш с остатками роты попытался ударить на резиновых подках и плотах, сброшенных Me-110. Но это удалось немногим. Последние оставшиеся в живых фашистские десантники были вывезены на самолетах морской авиации, которые и сами несли большие потери.

Оборонительные бои 43-й батареи на Кюбассааре для многих явились примером героизма и мужества, характерных для всех солдат 3-й отдельной стрелковой бригады на Муху и Сааре-маа.

Фашистское командование, рассчитывавшее на быструю сдачу осажденного острова, было озадачено столь упорным, жестоким сопротивлением, на которое оно натолкнулось. Вместо нескольких дней они топтались у острова уже несколько недель. Однако многочисленное превосходство агрессоров в конце концов сделало свое. 21 сентября фашисты захватили Кингисепп. Но бои на полуострове Сырве продолжались до 5 октября, когда были эвакуированы последние защитники острова Хиума. В числе последних остров покинул генерал Елсеев...

22 сентября фашисты захватили аэродром Асте. Зондерфюрер Зигмунд в тот же день составил донесение об осмотре аэродрома, которое было представлено Гитлеру.

«Аэродром, — писал Зигмунд, — имеет размер примерно в один квадратный километр и отлично замаскирован. Вокруг летного поля расположено 18 хорошо замаскированных боксов, которые служили для самолетов не только средством маскировки, но и давали защиту от осколков. Несколько разбитых самолетов, несмотря на многочисленные пробоины от прямых попаданий и частичные следы горения, показывают, что они уже до этого считались вышедшими из строя, ибо находились вне боксов, а у некоторых были сняты моторы. Эти самолеты определенно по нескольку раз служили объектами для нападения с воздуха».

Для фашистских авиационных генералов тем самым кое-какие загадки были разрешены из тех, что были заданы советской авиацией в Кагуле и Асте. Сопровождавший Зигмунда капитан ВВС Краузе, который должен был донести Келлеру, выказал меньше заинтересованности.

— То, что мы здесь увидели, дорогой Зигмунд, уже принадлежит прошлому. Этот противник уже ведь разбит и никогда не поднимется.

Подобные прогнозы в октябре 1941 года делали и Гитлер, и многие генералы сухопутных войск и люфтваффе. Но уже через несколько недель, в декабре 1941 года, под Москвой было окончательно покончено с надеждой на «блицкриг». Тем самым был достигнут поворотный пункт войны. Но германский империализм все еще надеялся вторым наступлением достичь нереальной цели: разбить Советское государство. Он начал марш к катастрофе: на Кавказ и к Сталинграду.

Когда грандиозная битва на Волге приближалась к своему апогею, над фашистской столицей, которая в 1942 году не переживала почти ни одного воздушного налета, вновь завывали сирены. 27 и 30 августа, а также 10 сентября 1942 года улучшенные дальние бомбардировщики типа ТБ-7 под командованием Энделя Пуссера совершили налеты на Берлин. Через три дня после последнего из этих налетов главнокомандующий фашистской авиацией Геринг созвал в 11.00 в министерстве авиации на совещание представителей авиационной промышленности. Речь зашла и о последних советских налетах. Сохранился протокол совещания. Из него видно, как был озабочен и озабочен этой второй человек в фашистской иерархии, который в свое время трубил повсюду, что фашистская авиация лучшая в мире, и в чем представлении советской авиации вообще не отводилось никакого места по сравнению с другими.

— Господа, вы знаете, есть много способов руководства экономикой. Взять хотя бы коммунистический. Он не так уж плох, вы не можете этого отрицать, ибо коммунизм в России дал такой неслыханный толчок промышленности, по сравнению с которым ваши заводы кажутся собачьими конурами, да будет вам известно! Маленькие слесарные мастерские у вас по сравнению с советской авиационной промышленностью.

Геринг видел, как по лицам Мессершмидта, Хейнкеля, Дорнье, и как и там еще звали, разливалось замешательство. И он насмешливо продолжал громить их.

— Коммунизм, — кричал он, — к сожалению, добился отличных успехов. Это для вас неприятно, но это так. И самое парадоксальное, они там неплохо конструируют. У них появился дальний бомбардировщик, и на этой штуковине они уже летают. Он достает до Берлина. Он запросто поднимается на высоты 9000, 10000 метров. Этот ТБ-7 хозяйничает на таких высотах, бомбит, а потом убирается совершенно спокойно. И мы не можем достать его там. Вот что неприятно. Вот это, я вам скажу, настоящий дальний бомбардировщик, он летит сюда от самой Москвы и возвращается обратно. Где у нас такой бомбардировщик? Притом, если ему нравится, он все расстояние пролетает на высоте 10000 метров. Итак, где, я вас спрашиваю, где у нас такой бомбардировщик?

Фашистское командование до конца войны так и не получило равноценного бомбардировщика.

В январе 1942 года 1-му торпедно-авиационному полку было присвоено звание «гвардейского». Он достойно нес это высокое звание на протяжении всех недель, месяцев и лет Великой Отечественной войны.

Перевел с немецкого
И. ТИХОНОВ.